
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 168.522

DOI 10.31249/hoc/2019.04.03

Константин Душенко®

АРИСТОКРАТИЯ ДУХА И ОРДЕН ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: ГЕНЕАЛОГИЯ ПОНЯТИЙ

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия*

Аннотация. Исследуется происхождение двух отчасти родственных, отчасти противостоящих друг другу понятий: «аристократия духа» и «орден интеллигенции». Первое возникло в Германии начала XIX в. и разными авторами понималось неодинаково. Для его создателя, Саула Ашера, «аристократы духа» – интеллектуальная элита нации, свободная от национальной ограниченности. Второе понятие ввели в оборот русские религиозные философы XX в. в полемических целях.

Ключевые слова: культурная и политическая элита; космополитизм; русская интеллигенция; Серебряный век; С. Ашер; Л. Бёрне; Й. фон Гёррес; Ф. Ницше; Ф.А. Степун; Г.П. Федотов; С.Л. Франк; Г. Штеффенс.

Dushenko Konstantin

**The Aristocracy of the Spirit and the Order
of the Intelligentsia: the Genealogy of the Concepts**

*Institute of Scientific Information in Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences*

Abstract. The article examines the origin of two partially related, partly opposing concepts: «the aristocracy of the spirit» and «the order of the intelligentsia». The first arose in Germany at the beginning of the 19 th century; by different authors it was understood unequally. For its creator Saul Ascher the «aristocrats of the spirit» are the intellectual elite of the nation, free from national narrow-mindedness. The second concept was introduced by circulation by the Russian religious philosophers of the 20 th century for polemical purposes.

Keywords: cultural and political elite; cosmopolitanism; Russian intelligentsia; «Russian Silver Age»; S. Ascher; L. Börne; J. Gorres; F. Nietzsche; F.A. Stepun; G.P. Fedotov; S.L. Frank; H. Steffens.

В России выражения «аристократия духа», «аристократы духа» стали обычными с начала XX в., прежде всего в литературно-художественной критике. Согласно чуть более позднему определению Бердяева, аристократы духа – это «люди высшей духовной жизни», «святые, пророки и гении» («Философия свободного духа» (1927), введение) [3, с. 47]. В публицистике выражения подобного рода употреблялись в ироническом смысле – как обозначение тех, кто претендует на духовное превосходство над «толпой».

Представления русских авторов об «аристократии духа» сформировались прежде всего под влиянием Фридриха Ницше. «Прирожденные аристократы духа» упоминаются в книге Ницше «Человеческое, слишком человеческое» (1878), гл. 210: «Их творения возникают и в спокойный осенний вечер падают с дерева без того, чтобы их страстно желали, взращивали или вытесняли новым. Неустанное желание творить – вульгарно и свидетельствует о ревности, зависти и честолубии» [8, с. 347]. В книге Ницше «К генеалогии морали» (1887) «плебейству современного духа» противопоставлена духовная власть «господствующих натур» – единственных творцов ценностей, носителей «аристократической морали» [6, с. 417, 418].

В сочинениях Ницше, опубликованных при его жизни, выражения «аристократия духа» (*Aristokratie des Geistes*) не было. Зато оно неоднократно встречается в посмертно опубликованных черновиках и на-

бросках немецкого мыслителя, причем – что весьма необычно – как в позитивном, так и в резко полемическом контексте.

Немецкое Geist может означать «дух», но также «ум». В наброске Ницше «История греческой литературы. <III>» (1875–1876) «Aristokratie des Geistes» понимается как «аристократия ума». Речь здесь идет о великих философах Греции: «Став аристократами ума, они овладевают наступательной силой разума, критики, науки, отказываются от поклонения обыденному, а значит, и от магии поэзии, которая служит традиции» («История греческой литературы», ч. III, 1875–1876) [28, S. 191].

В черновиках и набросках 1884–1885 гг. Ницше противопоставляет «аристократию духа и тела» «демократическому миру неудавшихся и полуудавшихся» [7, с. 51]. Но в тех же набросках читаем: «“Аристократия духа” – любимое выражение евреев»; «Есть лишь родовая аристократия, лишь аристократия крови. (Я говорю здесь не о словечке “фон” <...>.) Когда говорят об “аристократах духа”, чаще всего хотят что-нибудь скрыть; это, как известно, любимое слово честлюбивых евреев. Сам по себе дух не облагораживает: сначала нужно что-то, что придает благородство духу» [там же, с. 489, 608].

Чтобы понять причины такой разноголосицы у одного и того же автора, необходимо обратиться к генеалогии понятия «аристократия духа». Довольно долго это выражение и родственные ему обороты использовались в социально-политическом, а не философско-культурном контексте. При этом речь шла о *новой элите общества*, по своему происхождению и социальному положению *преимущественно буржуазной*.

«Аристократии духа» предшествовали «аристократия культуры» и «аристократия образованности» («die Aristokratie der Bildung»; также: «der Adel der Bildung», букв. «дворянство образования»). Эти обороты мы встречаем в 1800 г. у историка и публициста Йозефа фон Гёрреса (1776–1848). Либерализм и принадлежность к масонам сочетались у Гёрреса с правоверным католицизмом. Он приветствовал Французскую революцию, но ее радикализацию, а потом установление бонапартистского режима считал извращением ее первоначальных идей: «Аристократия образованности вскоре уступила место аристократии силы и дикости, и дезорганизованная аристократия культуры [XVIII] столетия, примененная на практике, имела те же последствия, что и деспотизм варварства». Это явление Гёррес именует «деспотизмом

духа», сожалея, что «организованная аристократия образованности» так и не была испробована [22, S. 67].

Во французской литературе эпохи Реставрации (1815–1830) встречалось выражение «аристократия талантов» – опять же в политическом, а не культурном контексте. Военный теоретик Антуан Анри Жомини писал: «Жирондисты, стремившиеся к аристократии талантов и образованности, слишком гордились своим превосходством, чтобы не обидеть темных сектантов уравнительности» (т.е. якобинцев) [24, р. 338]. Рене Шатобриан, полагавший, что «аристократия – самый надежный источник свободы», приветствовал появление в Палате пэров «аристократии талантов» как связующее звено между старой и новой (наполеоновской) аристократией [21, р. 521].

На излете революции 1848–1849 гг. Бисмарк противопоставил «аристократию ума и образованности» принципу суверенитета народа. В марте 1849 г. Франкфуртский парламент принял либерально-демократическую общегерманскую конституцию. «Она, – иронически замечает Бисмарк, – <...> признает принцип, согласно которому влияние каждого класса народа должно возрастать обратно пропорционально его политической образованности и компетентности, что обеспечивает надежный оплот против аристократии ума и образованности (die Aristokratie der Intelligenz)» (речь 21 апреля 1849 г. в Верхней палате прусского парламента) [17, S. 58].

Оборот «аристократы духа» впервые появился в 1819 г. – в брошюре Саула Ашера «Немецкий аристократизм духа: К вопросу о современном политическом духе Германии». Ашер (1767–1822), отпрыск еврейской банкирской семьи из Берлина, был сторонником культурной ассимиляции евреев на почве их полного гражданского равноправия. Наибольшее влияние оказала на него философия Канта. Свой идеал просвещенного государства Ашер видел сначала в прусской монархии, а затем – в политической системе Наполеона. После крушения наполеоновской империи он подверг резкой критике воинствующий немецкий национализм и антисемитизм. В этой борьбе он не останавливался перед призывом подавлять националистические взгляды в Пруссии полицейскими мерами.

В круг знакомых Ашера входил учитель Маркса Эдуард Ганс, а в последний год его жизни – молодой Генрих Гейне (которого Ницше, как известно, ценил необычайно высоко). Гейне разделял некоторые

взгляды Ашера, но его крайний рационализм был поэту антипатичен. В «Путешествии по Гарцу» (1826) Гейне писал:

«Разум! Когда я слышу это слово, мне каждый раз представляется доктор Саул Ашер с его абстрактными ногами, в тесном трансцендентально-сером сюртуке, с резкими, холодными как лед, чертами лица, которое могло бы служить чертежом в учебнике геометрии. Человек этот, которому давно уже было за пятьдесят, являл собою олицетворение прямой линии. В своем стремлении к положительному бедняга вытравил, философствуя, из жизни все ее великолепие, все солнечные лучи, всякую веру, все цветы, и ничего ему не осталось в удел, кроме холодной, положительной могилы» [5, с. 35].

18 октября 1817 г. в замке Вартбург (Тюрингия) по случаю 300-летия Реформации собрались студенты и профессора со всей Германии. Они провозгласили программу создания единого германского конституционного государства, а увенчали празднество сожжением «реакционных» и «антинациональных» сочинений. Первым был сожжен введенный на территории Рейнского союза Наполеоном Гражданский кодекс – как символ иностранной оккупации и в то же время универсалистских, наднациональных идей Просвещения. Среди сожженных книг была и «Германомания» Ашера – памфлет против зарождающегося немецкого шовинизма, опубликованный в 1815 г.

«Аристократы духа» у Ашера – интеллектуальная элита нации, свободная от национальной ограниченности. Этой ограниченностью страдают приверженцы доктрины «немецкой самобытности», «немецкого духа» (*Deutschtum*, букв. «немецкость»). Между тем Германия – «родина универсальной духовной культуры» [16, S. 6]. «Германия представляется как бы фокусом, в котором должны сойтись все духовные устремления европейских народов», и потому «немецкий аристократизм духа, безусловно, имеет более чистое и благородное происхождение, чем любой другой когда-либо существовавший аристократизм» [*ibid.*, S. 38].

Ашер отрешивается от «беспочвенного космополитизма» и говорит о «подлинных патриотах», к которым, несомненно, причисляет себя. Патриотизм для него вполне совместим с космополитизмом как «ощущением принадлежности к гражданам мира» (*weltbürgerlich Sinn*) [*ibid.*, S. 53, 59, 61]. «...Кажется, что <...> природа работает над тем, чтобы стереть первобытные черты разных народов и слить их воедино» (*ibid.*, S. 40). Ашер предвидит единение наций «под эгидой космо-

политизма», причем «Германии предназначено стать вместилищем универсальной культуры, созданной [всеми] народами» [16, S. 53].

Тут следует заметить, что в эпоху Просвещения понятие «космополитизм» отнюдь не имело того однозначно негативного оттенка, который оно приобрело к середине XIX в. Сообщество европейских интеллектуалов XVII–XVIII вв. ощущало себя гражданами наднациональной «Республики ученых» («La République des lettres»). Программный космополитизм, отнюдь не исключавший патриотизма, был характерен для масонства, к которому принадлежало едва ли не большинство мыслящих людей России на рубеже XVIII–XIX вв. Александр Суворов, один из первых русских «вольных каменщиков», за три месяца до смерти писал: «Как раб, умираю за отечество и, как космополит, за свет» (письмо к Д.И. Хвостову, февраль 1800 г.) [10, с. 382].

В 1797–1798 гг. в Галле выходил журнал «Космополит. Ежемесячник для содействия истинной и всеобщей гуманности». Его издателем был Христиан Восс, профессор Галльского университета, одного из главных центров немецкого Просвещения. Позднее, в 1808 г., в Йене вышел единственный номер журнала под тем же названием. В обращении к читателям анонимный издатель писал, в сущности, то же самое, что Ашер в брошюре 1819 г.: «Космополит должен не вытеснять патриота, но спасти его от односторонности»; «Патриотизм вполне может сочетаться с ощущением принадлежности к гражданам мира (Weltbürgersinn), мало того: только таким путем он и должен быть обогащен» [30, S. 1–2, 3–4].

Ашер не противопоставляет «аристократов духа» родовой аристократии. Европейской аристократии, как и ашеровским «аристократам духа», был чужд узкий национализм; в некотором смысле ее представители ощущали себя членами единой общеевропейской семьи. Неудивительно, что Ашер возлагает надежды на прусское правительство (в сословном плане преимущественно аристократическое) как защитника универсалистских идей. Он сетует на то, что «немецкая аристократия духа» слишком замкнута в себе и слишком мало пытается действовать вовне¹ [16, S. 42]. Между тем ее задача – «научить народы тому, что развитие законодательного разума есть единственный источник политического счастья» [ibid., S. 69].

Ашер был не слишком влиятельным автором, в отличие от Людвиг Бёрне (1776–1837), ведущего публициста-демократа 1820–1830-х годов.

Именно Бёрне популяризировал оборот «аристократия духа», хотя и в полемическом контексте [25, S. 99].

Впервые этот оборот появился в отклике Бёрне на словарную статью «Аристократия» в энциклопедическом словаре Брокгауза (изд. 5-е, т. 1, 1822). Анонимный автор статьи утверждал: «Если верно, что цель любого правительства – обеспечение господства духовного начала над материальным, то любое правительство по своей внутренней сущности должно быть аристократическим». «Вопрос только в том, каким образом аристократия должна быть организована, чтобы достичь своей цели – руководства народом в соответствии с требованиями его разумной природы» [15, S. 150, 151]. В статье много говорится о «должностной аристократии», мельком упомянута «аристократия богатства», но первостепенное значение придается аристократии «мудрейших и лучших». Это и есть «подлинная власть», «руководительница общей воли», «орган народного самосознания», выразительница «господствующего духа» гражданского общества [ibid., S. 151].

Бёрне назвал эту аристократию «аристократией духа», а ее притязания – «смехотворным самомнением аристократов духа, которые считают, что народ глуп и его нужно вести за собой как скот». «Аристократы по рождению отнюдь не являются опасными врагами конституционных свобод, которых требуют ныне народы, а, напротив, покровительствуют им». Между тем «правление аристократии духа <...>, если оно вообще возможно, было бы наихудшим из всех. Аристократы духа, приди они к власти, стали бы принуждать нас быть мудрыми, причем мудрыми на свой собственный лад, – можно ли это перенести? Упаси нас боже от философов на троне! <...> Врожденные склонности и нравы людей различны и желать устранить эти различия есть тирания, в которой Ликург повинен не менее, чем Филипп II, Робеспьер – не менее, чем Людовик XIV» [19, S. 34]. В сущности, здесь имелось в виду правление идеологов любой политической окраски (в позднейшей терминологии – идеократия).

В другой статье 1823 г. Бёрне замечает: «Патриции правили Римом восемь веков и сделали его первой державой в мире, а в чистых античных демократиях правила аристократия духа, гораздо более унижительная, чем родовая, потому что причастны к ней были немногие» [18, S. 715].

24-я статья из серии «Парижских очерков» Бёрне, опубликованная в том же 1823 г., называлась «Аристократизм духа». В отличие от

Ашера Бёрне использует это выражение иронически. «Сегодняшний француз ненавидит привилегии всякого рода политической аристократии», но «в своей духовной жизни он подчиняется аристократии, которая его безжалостно бранит». «Вкус – их [французов] деспот, перед которым они пресмыкаются». В картинах новейших французских художников видна все та же помпезность Версаля [12].

В наиболее известном русском словаре крылатых слов автором выражения «аристократия духа» назван немецкий естествоиспытатель и философ Генрих Штеффенс (1773–1845) [2, с. 27; здесь ошибочно: Стеффенс]. В действительности Штеффенс говорил не об «аристократии духа», а об «Aristokratie der Geistreichen». Словарное значение слова Geistreich – «(остро)умный», «одухотворенный». У Штеффенса оно используется также в значении «одаренный». Тем не менее по своему значению термин «аристократия одаренных (одухотворенных)» у Штеффенса и позднейших авторов ближе всего к «аристократии духа» в русской литературе XX в., поскольку относилось оно к сфере культуры, а не политики.

В 1830 г. историк литературы Вольфганг Менцель писал, что «аристократия одухотворенных» у Штеффенса означает «людей, которые не только обладают превосходными дарованиями (ausgezeichnete Geist), но и делают их привилегией». Четыре года спустя в книге «Немецкая литература» Менцель уточнил, что прежде всего имелись в виду поклонники Гёте, такие как Август Вильгельм Шлегель (1767–1845) и его окружение [25, S. 11]. «Аристократией духа» окружение Шлегеля было названо позднее, в 1840-е годы [31, S. 185].

Развернутую характеристику «аристократии одухотворенных» Штеффенс дал в книге «Как я снова стал лютеранином...» (1831): «Это своего рода открытая ложа, которая все быстрее распространяется по всей Германии. <...> Ее члены принадлежат к образованным без различия сословий. <.... Не все философы, поэты и художники состоят в этой ложе, которая требует своего рода кружкового воспитания (gesellige Bildung), а также умения с лету схватывать намеки, которые понятны не каждому, и отвечать соответственно. <...> ...Многие ученые люди считают за особую честь быть причисленным к одухотворенным, а это нечто совершенно иное, нежели быть ученым, основательным, глубоким, проницательным». «Я, – продолжает Штеффенс, – сам имею честь состоять в этой ложе, и даже – в чем меня упрекают – <...> я едва ли не распорядитель ложи. Ложа включает в себя филосо-

фов, поэтов и художников, остальные же – восторженные почитатели всего великого, смелого, благородного, глубокого и грациозного, но особенно ценится ими острая шутка, без которой никто из них обойтись не может. <...> Они <...> решительно отвергают все вульгарное, низкое, пошлое. Мелочный рационализм им чужд» [29, S. 145].

Критик Теодор Мундт в качестве примера творчества «аристократии одухотворенных» называл произведения Людвиг Тика (1773–1853), одного из ведущих представителей немецкого романтизма в литературе [26, S. 115]. Год спустя это выражение было приписано самому Тику: «Тик уже давно заявил, что в новейшей поэзии существует аристократия одухотворенных, и это явление повторяется в живописи и даже в музыке» [27, S. 190].

Во Франции выражение «l'aristocratie del' esprit» («аристократия ума», «аристократия духа») появляется поздно, например, в трактате Жана Мари Гюйо «Иррелигиозность будущего» (1887). *Франц. esprit* – это прежде всего «ум, рассудок, остроумие» и существенно реже «дух». У Гюйо речь идет об интеллектуалах: «По их мнению, некоторые высшие умы могут прекрасно обойтись без религии; масса не может. Необходимо зарезервировать для элиты свободу совести и свободу мысли; аристократия ума должна запереться в укрепленном лагере» [23, p. 186].

У русских авторов XIX в. мы не найдем прямых аналогов «аристократии духа» в позднейшем смысле этого выражения. Едва ли не ближе всего к этой формуле подошел Афанасий Фет:

Вот наш патент на благородство, –
Его вручает нам поэт;
Здесь духа мощного господство,
Здесь утонченной жизни цвет.
(«На книжке стихотворений Тютчева», 1883) [14, с. 331]

Однако Фет, глашатай абсолютной самоценности искусства, стоял особняком среди своих современников. В конце жизни он сетовал: «...Все мои друзья пошли в прогресс и стали не только в жизненных, но и в чисто художественных вопросах противниками прежних своих и моих мнений» (письмо к вел. князю Константину Константиновичу 4 ноября 1891 г.) [13, с. 182].

Высказывание Фета вплотную подводит нас к явлению, которое в XX в. было названо «орденом интеллигенции». Как указал в 1959 г. Федор Степун, этот образ восходит к 26-й главе мемуаров П.В. Анненкова «Замечательное десятилетие» (1880). О московских западниках второй половины 1840-х годов здесь говорилось: «...Круг этот <...> походил на рыцарское братство, на воюющий орден, который не имел никакого письменного устава, но знал всех своих членов, рассеянных по лицу пространной земли нашей, и который все-таки стоял по какому-то соглашению, никем, в сущности не возбужденному, поперек всего течения современной ему жизни, мешая ей вполне разгуляться, ненавидимый одними и страстно любимый другими» [1, с. 246].

Русские религиозные философы XX в. распространили метафору «ордена» на всю «пошедшую в прогресс» русскую интеллигенцию. Первенство здесь принадлежало Семену Людвиговичу Франку (1877–1950). Знаменитый сборник «Вехи» (1909) завершался его статьей «Этика нигилизма». Статье предпослан эпиграф из Ницше («Так говорил Заратустра», 1883): «Не вокруг творцов нового шума – вокруг творцов новых ценностей вращается мир». Как мы уже видели, «творцы новых ценностей» у Ницше – то же, что «аристократия духа» в русской литературе XX в., т.е. «люди высшей духовной жизни».

Согласно Франку, высшая духовная жизнь – «ценности теоретические, эстетические, религиозные», «строгое и чистое знание ради знания» – чужда интеллигентскому сознанию. «Начиная с восторженного поклонения естествознанию в 60-х годах, <...> наша интеллигенция искала в мыслителях и их системах не истины научной, а пользы для жизни, оправдания или освящения какой-либо общественно-моральной тенденции». «Интеллигенция есть как бы самостоятельное государство, особый мирок со своими строжайшими и крепчайшими традициями, с своим этикетом, с своими нравами, обычаями, почти со своей собственной культурой. <...> Но, уединившись в своем монастыре, интеллигент не равнодушен к миру; напротив, из своего монастыря он хочет править миром и насадить в нем свою веру; он – воинствующий монах, монах-революционер». «...С безграничным деспотизмом, питаемым сознанием своей непогрешимости, этот монашеский орден трудится над удовлетворением земных, слишком “человеческих” забот о “едином хлебе”» [11, с. 179].

Любопытно отметить, что другой автор «Вех», С.Н. Булгаков, говорит о «духовном аристократизме» интеллигенции в негативном смысле; это выражение означает здесь притязания на духовную власть над обществом, т.е. то же, что «аристократия духа» у Людвиг Бёрне: «...Интеллигенция есть лишь особая разновидность духовного аристократизма, надменно противопоставляющая себя “обывателям”»; ее народопоклонничество уживается с высокомерным отношением опекуна к опекаемому [4, с. 59, 75].

В 1926 г. другой русский религиозный мыслитель, Георгий Федотов (1886–1951), опубликовал в парижском журнале «Версты» статью «Трагедия интеллигенции». Федотов вновь обращается к метафоре «ордена», почти буквально повторяя Франка (ни разу не упомянутого): «Сознание интеллигенции ощущает себя почти как некий орден, хотя и не знающий внешних форм, но имеющий свой неписанный кодекс – чести, нравственности, – свое призвание, свои обеты. Нечто вроде средневекового рыцарства <...>» [12, с. 149].

По глубине мысли и логической стройности статья Федотова сильно уступает «Этике нигилизма». Понятие «интеллигенция» здесь берется необычайно широко, как в хронологическом плане («от Новикова и Радищева до наших дней»), так и в содержательном (сюда включены декабристы и – с оговорками – Чаадаев и славянофилы 1840-х годов). «Русская интеллигенция, – пишет Федотов, – “идейна” [т.е. поклоняется отвлеченной идее. – К. Д.] и “беспочвенна”. Это ее *исчерпывающие определения*» [там же, с. 150; курсив наш. – К. Д.].

Между тем далее оказывается, что дворянская интеллигенция вплоть до восстания декабристов отнюдь не была беспочвенной. Наиболее «чистой» интеллигентской формацией Федотов, как и Франк, считает народничество, но к началу XX в. народничество, согласно Федотову, «уже нашло путь к деревне, возделанной за несколько десятилетий земским плугом; к 1905 г. “смычка” интеллигенции с народом была уже совершившимся фактом». Русская социал-демократия – «несомненно, самое почвенное из русских революционных движений»; «природа большевизма максимально противоположна русской интеллигенции». В результате «между 1906 г. и 1914 г. интеллигенция растаяла почти бесследно» [там же, с. 179–180]. Этот взгляд был совершенно чужд Франку и прочим авторам «Вех».

После Второй мировой войны о левой интеллигенции как «монашеском ордене» говорил Бердяев в книге «Русская идея» (1946, гл. 1).

Здесь он повторил свои давние тезисы о том, что в мироощущении интеллигенции «сказалась глубинная православная основа русской души: уход из мира, во зле лежащего, аскеза, способность к жертве и перенесение мученичества». В противостоянии с государственной властью «права была интеллигенция», хотя «это страшно спутало ее сознание, отвернуло ее сознание от многих сторон творческой жизни человека, сделало ее более бедной» [3, с. 66].

Как видим, Федотов и Бердяев высказываются об «ордене» не столь однозначно критически, как Франк. Еще более заметна эта тенденция у Ф.А. Степуна, автора статьи «Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции» (1959). Среди религиозных философов эмиграции Федор Августович Степун (1884–1965) был наиболее левым; до высылки за границу он примыкал к эсерам.

Необходимый признак принадлежности к интеллигенции, согласно Степуну, – «страстная заинтересованность в вопросах социальной жизни». Поэтому Чаадаев, Достоевский и Вл. Соловьёв – интеллигенты, а Лев Толстой и К. Леонтьев – не интеллигенты. «Его [Толстого] муки не носили характера общественного интереса, а были скорее личной этически-религиозной проблемой» [9, с. 177]. Заключительный вывод статьи таков:

«Не только России, но и всем европейским странам нужна элита людей, бескорыстно пекущаяся о страданиях униженных и оскорбленных, которых еще очень много в мире, строящая свою жизнь на исповедании правды, готовая на лишения и жертвы. Вот черты старой интеллигенции, которые должны вернуться в русскую жизнь.

Дух же утопизма, диалектического распорядительства в областях жизни, в которых ничего не понимаешь, и легкомысленной веры в то, что истины изобретаются философами, социологами и экономистами, а не даруются свыше, должны исчезнуть» [9, с. 188].

С середины XX в. понятие «орден интеллигенции» прочно вошло в язык исторической и политической публицистики – сначала эмигрантской, затем постсоветской. Обычно оно дается со ссылкой на Г. Федотова, а не Л. Франка, а неоднозначность его содержания у разных мыслителей первой половины XX в., в сущности, игнорируется.

Список литературы

1. Анненков П.В. Литературные воспоминания. – М.: Правда, 1989. – 688 с.
2. Аишукин Н.С., Аишукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. – Изд. 2-е, доп. – М.: Худож. лит., 1960. – 752 с.
3. Бердяев Н.А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – С. 43–272.
4. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество: (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. Интеллигенция в России: Сборники статей. 1909–1910. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С. 43–85.
5. Гейне Г. Путешествие по Гарцу. 1824 / пер. В. Зоргенфрея // Гейне Г. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Худож. лит., 1982. – Т. 3. – С. 11–72.
6. Ницше Ф. К генеалогии морали / пер. К. Свасьяна // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 407–524.
7. Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. / пер. В.Д. Седельника. – М.: Культурная революция, 2012. – Т. 11: Черновики и наброски: весна 1884 – осень 1885 гг. – 682 с.
8. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое: Книга для свободных умов / пер. С.Л. Франка // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 231–490.
9. Степун Ф.А. Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции // Мосты. – Мюнхен, 1959. – № 3. – С. 171–188.
10. Суворов А.В. Письма. – М.: Наука, 1986. – 808 с.
11. Франк С.Л. Этика нигилизма: (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Вехи. Интеллигенция в России: Сборники статей. 1909–1910. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С. 153–184.
12. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Версты. – Париж, 1926. – № 2. – С. 144–184. – Подпись: Е. Богданов.
13. Фет А.А. Сочинения: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1982. – Т. 2. – 460 с.
14. Фет А.А. Стихотворения и поэмы. – Л.: Сов. писатель, 1986. – 752 с.
15. Aristokratie // [Brockhaus] Conversations-Lexicon. – 5. Aufl. – Leipzig: F. A. Brockhaus, 1822. – Bd 1, Abt. 1: A–Cz. – S. 150–155.
16. Ascher S. Der deutsche Geistesaristokratismus: Ein Beitrag zur Charakteristik des zeitigen politischen Geistes in Deutschland. – Leipzig, 1819. – 69 S.
17. Bismarck O. von. Fürst Bismarcks Reden. – Leipzig: Reclam, 1852. – Bd 1. – 268 S.
18. Börne L. Altes Wissen, neues Leben // Börne L. Sämtliche Schriften. – Dreieich: J. Melzer, 1977. – Bd 1. – S. 707–724.
19. Börne L. Aristokratie: (Artikel im Conversationslexikon) // Literaturblatt. – Stuttgart; Tübingen, 1823. – N 9, 31, Januar. – S. 33–35.
20. Börne L. Schilderungen aus Paris: [Электронный ресурс]. – Mode of access: <http://www.zeno.org/Literatur/M/B%C3%B6rne,+Ludwig/Schriften/Schilderungen+aus+Paris> (Дата обращения: 10.05.2019.)
21. Chateaubriand F.-R. Préface // Chateaubriand F.-R. Oeuvres complètes. – Bruxelles: Weissenbruch, 1829. – Т. 4. – P. 519–524.

22. *Görres J.* Resultate meiner Sendung nach Paris im Brumaire des achten Jahres // Görres J. von. Gesammelte Schriften. – München, 1854. – Abt. 1: Politische Schriften, Bd 1. – S. 25–112.
23. *Guyau J.-M.* L'irréligion de l'avenir: étude sociologique. – Paris: F. Alcan, 1887. – XXVIII, 479 p.
24. *Jomini A.-H. de.* Histoire critique et militaire des guerres de la Revolution. – Paris: Magimel, Anselin et Pochard, 1819. – T. 1. – 447 p.
25. *Ladendorf O.* Historisches Schlagwörterbuch: Ein Versuch. – Strassburg: Trübner, 1906. – 365 S.
26. *Mundt T.* Moderne Lebenswirren. – Leipzig: G. Reichenbach, 1834. – 268 S.
27. *Kahlert A.* Die Genrebilder in der modernen Musik // Neue Zeitschrift für Musik. – Leipzig, 1835. – Bd 1. – N 47, 12 Juni. – S. 189–191.
28. *Nietzsche F.W.* Geschichte der griechischen Litteratur: [Dritter Theil]. – Leipzig: Kröner Verlag, 1912. – Bd 18, 3. Abt.: Philologica; Bd 2. – 340 S.
29. *Steffens H.* Wie ich wieder Lutheraner wurde, und was mir das Lutherthum ist: Eine Confession. – Breslau: Max, 1831. – 252 S.
30. Vorerinnerung des Herausgebers // Der Kosmopolit. – Jena, 1808. – Quart. 1. – S. 1–4.
31. Wünsche und Vorschläge in Bezug auf Kultur- und Literaturgeschichte // Deutsche Monatsschrift für Litteratur... – Leipzig, 1844. – Bd 2. – S. 184–186.

Примечание

1. *Ascher S.* Der deutsche Geistesaristokratismus: Ein Beitrag zur Charakteristik des zeitigen politischen Geistes in Deutschland. – Berlin: Achenwall, 1819. – 56 S. – (В статье цитируется лейпцигское издание.)

References

1. *Annenkov P.V.* Literaturnye vospominaniya. – M.: Pravda, 1989. – 688 s.
2. *Ashukin N.S., Ashukina M.G.* Krylatyeslova: Literaturnye citaty. Obraznye vyrazheniya. – Izd. 2-e, dop. – M.: Hudozh. lit., 1960. – 752 s.
3. *Berdyayev N.A.* Russkaya ideya: Osnovnye problem russkoj mysli XIX veka i nachala XX veka // O Rossii i russkoj filosofskoj kul'ture: Filosofyy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya. – M.: Nauka, 1990. – S. 43–272.
4. *Bulgakov S.N.* Geroizm i podvizhnichestvo: (Iz razmyshlenij o religioznoj prirode russkoj intelligencii) // Vekhi. Intelligenciya v Rossii: Sborniki statej. 1909–1910. – M.: Molodaya gvardiya, 1991. – S. 43–85.
5. *Heine G.* Puteshestvie po Garcu. 1824 / per. V. Zorgenfrey / *Gejne G.* Sobr. soch.: v 6 t. – M.: Hudozh. lit., 1982. – T. 3. – S. 11–72.
6. *Nietzsche F.* K genealogii morali / per. K. Svas'yana // *Nietzsche F.* Sochineniya: v 2 t. – M.: Mysl', 1990. – T. 2. – S. 407–524.
7. *Nietzsche F.* Poln. sobr. soch.: v 13 t. / per. V.D. Sedel'nika. – M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2012. – T. 11: Chernoviki i nabroski: vesna 1884 – osen' 1885 gg.–682 s.
8. *Nietzsche F.* Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe: Kniga dlya svobodnyh umov / per. S.L. Franka // *Nicsh F.* Sochineniya: v 2 t. – M.: Mysl', 1990. – T. 1. – S. 231–490.

9. *Stepun F.A.* Proletarskaya revolyuciya i revolyucionnyj orden russkoj intelligencii // *Mosty*. – München, 1959. – N 3. – S. 171–188.
10. *Suvorov A.V.* Pis'ma. – M.: Nauka, 1986. – 808 s.
11. *Frank S.L.* Etika nigilizma: (K karakteristike npravstvennogo mirovozzreniya russkoj intelligencii) // *Vekhi. Intelligenciya v Rossii: Sborniki statej. 1909–1910*. – M.: Molodaya gvardiya, 1991. – S. 153–184.
12. *Fedotov G.P.* Tragediya intelligencii // *Versty*. – Paris, 1926. – N 2. – S. 144–184. – Podpis': E. Bogdanov.
13. *Fet A.A.* Sochineniya: v 2 t. – M.: Hudozh. lit., 1982. – T. 2. – 460 s.
14. *Fet A.A.* Stihotvoreniya i poemyy. – L.: Sov. pisatel', 1986. – 752 s.
15. *Aristokratie* // [Brockhaus] *Conversations-Lexicon*. – 5. Aufl. – Leipzig: F.A. Brockhaus, 1822. – Bd 1, Abt. 1: A–Cz. – S. 150–155.
16. *Ascher S.* Der deutsche Geistesaristokratismus: Ein Beitrag zur Charakteristik des zeitigen politischen Geistes in Deutschland: Leipzig, 1819. – 69 S.
17. *Bismarck O. von.* Fürst Bismarcks Reden. – Leipzig: Reclam, 1852. – Bd 1. – 268 S.
18. *Börne L.* Altes Wissen, neues Leben // *Börne L. Sämtliche Schriften*. – Dreieich: J. Melzer, 1977. – Bd 1. – S. 707–724.
19. *Börne L.* Aristokratie: (Artikel im *Conversationslexikon*) // *Literaturblatt*. – Stuttgart; Tübingen, 1823. – N 9, 31. Januar. – S. 33–35.
20. *Börne L.* Schilderungen aus Paris. – Mode of access: <http://www.zeno.org/Literatur/M/B%C3%B6rne,+Ludwig/Schriften/Schilderungen+aus+Paris>.
21. *Chateaubriand F.-R.* Préface // *Chateaubriand F.-R. Oeuvres complètes*. – Bruxelles: Weissenbruch, 1829. – T. 4. – P. 519–524.
22. *Görres J.* Resultate meiner Sendung nach Paris im Brumaire des achten Jahres // *Görres J. von. Gesammelte Schriften*. – München, 1854, Abt. 1: Politische Schriften. – Bd 1. – S. 25–112.
23. *Guyau J.-M.* L'irréligion de l'avenir: étude sociologique. – Paris: F. Alcan, 1887. – XXVIII, 479 p.
24. *Jomini A.-H. de.* Histoire critique et militaire des guerres de la Revolution. – Paris: Magimel, Anselin et Pochard, 1819. – T. 1. – 447 p.
25. *Ladendorf O.* Historisches Schlagwörterbuch: Ein Versuch. – Strassburg: Trübner, 1906. – 365 S.
26. *Mundt T.* Moderne Lebenswirren. – Leipzig: G. Reichenbach, 1834. – 268 S.
27. *Kahlert A.* Die Genrebilder in der modernen Musik // *Neue Zeitschrift für Musik*. – Leipzig, 1835. – Bd 1. – N 47, 12. Juni. – S. 189–191.
28. *Nietzsche F.W.* Geschichte der griechischen Litteratur: [Dritter Theil]. – Leipzig: Kröner Verlag, 1912. – Bd 18, 3. Abt.: Philologica, Bd 2. – 340 S.
29. *Steffens H.* Wie ich wieder Lutheraner wurde, und was mir das Lutherthum ist: Eine Confession. – Breslau: Max, 1831. – 252 S.
30. Vorerinnerung des Herausgebers // *Der Kosmopolit*. – Jena, 1808, Quart. 1. – S. 1–4.
31. Wünsche und Vorschläge in Bezug auf Kultur- und Literaturgeschichte // *Deutsche Monatsschrift für Litteratur...* – Leipzig, 1844. – Bd 2. – S. 184–186.